

■ ЗАКОН СИЛЬНОЙ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

# МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут  
Все оттенки желаний  
Привилегия женщин  
Тайны взрослых девочек

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит  
Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Щука»

Я не ангел  
Не верь, не бойся, отпусти  
Соблазны Снежной королевы  
Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха  
Дочь мафии  
Жена самурая  
Последнее японское предупреждение  
Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне  
Нежная стерва, или Исход великой любви  
Первая леди города, или Между двух берегов  
Госпожа страсти, или В аду развод не принят  
Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце  
Королева мести, или Уйти навсегда  
Роскошная хищница, или Сожженные мосты  
Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски  
Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы  
Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие  
Визит с того света, или Деньги решают не все  
Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров  
Охота на мстителя, или Дамы убирают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии  
Марго, или Люблю–ненавижу  
Алекс, или Девушки любят негодяев  
Дар великой любви, или Я не умею прощать  
Финальный танец, или Позови меня с собой

Когда есть за что бороться...

# МАРИША КРАМЕР

ПОСЛЕДНЕЕ  
ЯПОНСКОЕ  
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ



Москва



2018

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
К77

Разработка серийного оформления *С. Прохоровой*

**Крамер, Марина.**

К77      Последнее японское предупреждение :  
[роман] / Марина Крамер. — Москва : Из-  
дательство «Э», 2018. — 352 с. — (Закон силь-  
ной. Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-093379-2

Стоило только Александре Гельман подумать о том, насколько она счастлива: любящий и любимый муж, прекрасная дочка и отец, наконец остепенившийся и живущий с ними в одном огромном доме, — как тут же жизнь стала один за другим подкидывать неприятные сюрпризы... Сначала кто-то обвинил в газетной статье ее отца-банкира в хранении в собственном банке украденного из местного музея японского клинка, попутно припомнив и расписав в красках его криминальное прошлое. Затем, поругавшись с тестем, ушел из дома муж Саши, за ней кто-то начал следить, и в довершение всего была похищена дочь Соня! В такой ситуации Александра принимает единственное, на ее взгляд, правильное решение — найти своего ребенка самостоятельно, ведь скромной преподавательнице медицинской академии не впервой выходить на тропу войны со снайперской винтовкой наперевес!!!

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Крамер М., 2018  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Э», 2018

ISBN 978-5-04-093379-2

*«Когда же я, наконец, перестану таскаться сюда, как на службу? Уж лучше устроиться санитаркой — все равно их работу делаю, а так денежки бы капали, хоть какая-то помощь. Целыми днями — «Женя, принеси, Женя, подай, Женька, что раззявилась, судно полное. Женька, поверни, Женька, помоги простыни поменять». Коровы ленивые! Если бы не я... Нет, даже думать не хочу».*

*Привычно выдернув в холле из потертой дамской сумки белый халат и стоптанные тапочки, она переделась, спрятала в большой пакет из дешевого супермаркета залатанные сапожки и плащ, проверила в кармане пропуск, подхватила стоявшую у ног коричневую хозяйственную сумку и двинулась к турникету. Там ее приветствовали как родную. Высокий охранник, молодой парень с русой шевелюрой, поправил черную чоповскую куртку и улыбнулся:*

*— Здорово, Женька. Как погодка? Шепчет?*

*— Ага — в пледик, шепчет, завернись да с кружкой чая обнимись, — фыркнула она, протягивая ему пропуск, но охранник махнул рукой:*

— Ой, да иди ты уже, наизусть я твой пропуск знаю, поди, не первый день. Помочь сумку-то допереть?

— Спасибо, Миша, — искренне ответила девушка, перехватывая удобнее ручку тяжелой хозяйственной сумки, — сама как-нибудь.

Охранник кивнул, провозжая взглядом худую, чуть сгорбленную фигурку, направившуюся к лифтам:

— Слышь, Женя! Лифты не работают с утра.

Девушка замерла на мгновение, потом выругалась вполголоса и повернула к лестничному маршу. Подъем с ношей на седьмой этаж она выполняла примерно раз в неделю — именно с такой периодичностью отключались оба лифта в больнице.

Сегодня, серым дождливым утром, больничная палата казалась особенно мрачной и обшарпанной. Словно впервые Женя вдруг увидела облупившуюся штукатурку, огромные трещины на потолке, отколовшийся местами кафель возле умывальника, затертую до беловатых пятен поверхность высокого деревянного стола-поста, за которым сегодня оказалась медсестра Аня, грубоватая девица с удивительно ловкими руками — могла попасть иглой в любую вену даже с закрытыми глазами. Видимо, именно потому она чаще других подменяла постоянную сестру Иру, у которой часто болел ребенок. Женя не любила ни ту, ни другую, обе девицы казались ей высокомерными, иногда почти по-хамски грубыми, хотя должное их профессионализму она все-таки отдавала. Что Аня, что Ира никогда не обходили вниманием ни одного из своих нелегких пациентов.

## Последнее японское предупреждение

---

— *Что-то поздно ты сегодня,* — буркнула Аня, сосредоточенно выписывая что-то из листов назначения в свой журнал, — *твоя-то вон лежит вся мокрая.*

*Женя стремительно метнулась к окну, минуя еще две такие же отгороженные друг от друга полупрозрачными клеенчатыми шторами кровати. Там, на «блатном» месте, вот уже четвертый месяц лежала Лена. Вернее, то, что от нее осталось.*

— *Что, простыни сменить некому было?* — враждебно спросила Женя, ногой засовывая сумку под кровать.

— *Нас двое, их пятеро, сама знаешь,* — невозмутимо ответила Аня, — *мы с Риткой и бесхозных еле успеваем обрабатывать, а тебе пропуск по уходу для того и выписан. Сиди и ухаживай. Или денежки плати, сиделку нанимай.*

— *Ты ведь знаешь, что денег у меня нет,* — огрызнулась Женя, аккуратно сворачивая в рулон мокрую простыню под недвижимым телом Лены, чтобы удобнее было выдернуть ее.

— *Ну а раз нет — вот сама и крутись,* — беззлобно парировала медсестра, — *мы и так ночью ее переворачиваем, каждую смену предупреждаем, чтоб смотрели. Чего тебе еще? Днем будь добра — сама все делай.*

*Сменив простыни, Женя вышла с охапкой мокрых в санкомнату, чтобы там упаковать их в мешки. И здесь ее накрыло — сев на край ванны, она уронила пахнущее мочой белье на пол и расплакалась от бессилия и злости.*

## АЛЕКСАНДРА

Вы знаете, что такое счастье? Безусловное, безоглядное счастье, когда перестаешь даже подзревать о существовании каких-то проблем в жизни? Я поняла это только сейчас, каждое утро собирая свою первоклашку в школу и готовя ей и мужу завтрак. Галя, наша старая домработница, всякий раз ворчала: мол, что ж тогда ей-то делать, если я сама, но мне очень хотелось делать все так, как это бывает у других — у моих коллег в академии, например. Раз уж вышло, что я живу в огромном загородном коттедже с прислугой и шлагбаумом на въезде, раз дочь моя в школу ездит не с отцом или матерью, а с водителем и охранником, раз даже мой свободолюбивый муж смирился с этими обстоятельствами — то хотя бы оладьи к завтраку я могу самостоятельно приготовить? И все — папа...

Нет, я не жалуясь, я привыкла к тому, что вокруг моего родителя постоянно что-то происходит, взрывается, горит и стреляет. Но дочь... Соня, конечно, не понимала, почему наша жизнь устроена именно так, да, к счастью, в ее гимназии почти всех детей подвозили к крыльцу дорогие



## Последнее японское предупреждение

машины. Но я боялась, что рано или поздно и до нее обязательно дойдут слухи о том, что дед, любимый деда Фима, благообразный председатель совета директоров крупного банка, в прошлом был криминальным авторитетом Фимой Клещом, а обожаемый отец, папочка, папусик, которого Соня боготворит, не всегда тренировал детишек в клубе восточных единоборств и в свободное время писал большую научную работу по одному из их направлений. Раньше, давно, еще до ее рождения, Акела мог убить любого всего лишь движением хорошо натренированных пальцев. Он и сейчас наверняка может, просто теперь ему это не нужно уже, — и жизнь другая, и ценности тоже. Но люди злы, завистливы, мелочны, они не гнушаются ничем, им все равно, кого ранить — будь то взрослый или ребенок. Этот вопрос уже давно начал мучить меня, и я все время приставала к мужу, но Саша только бросал в мою сторону угрюмый взгляд единственного глаза и тихо говорил:

— Аля, решай проблему тогда, когда она появилась, а не тогда, когда ты ее выдумала.

Меня спокойствие мужа порой выводило из себя, но я понимала — он, наверное, прав. Зачем травмировать психику ребенка разговорами, которых она сама пока не заводит?

Мы действительно были очень счастливы, и воспоминания о прошлом практически перестали тревожить меня, хотя на всю жизнь осталась

малоподвижность правой руки и сводящие с ума головные боли, особенно перед дождями — последствия ранения в голову, перенесенного несколько лет назад. Но я научилась отлично управляться левой рукой, лишь изредка помогая себе правой, научилась твердо держать скальпель во время вскрытий, могла без ассистента отпрепарировать труп и изготовить препарат для занятий. Я по-прежнему работала на кафедре нормальной анатомии медицинской академии, а по выходным не отказывала себе в удовольствии вспомнить еще одно увлечение — стрельбу из винтовки и пистолета. Когда-то давно у меня был взрослый разряд, и это полезное умение несколько раз спасало мне жизнь. И не только мне.

Правда, вот с любовью к мотоциклам дело обстояло хуже. Муж категорически заявил, что больше не потерпит этого, не позволит сесть за руль, потому что устал бояться за меня.

— Ты уже не принадлежишь исключительно себе, Аля, — спокойно заявил он, прицепляя ключи от байка на собственную связку, — ты мать. А это — обязательства. Я не хочу объяснять Соне, что случилось, если ты вдруг однажды на скорости сойдешь с трассы и разобьешься. Я понимаю, что мое мнение тебя волнует мало, но по глупости оставить сиротой дочь ты не имеешь никакого права.

Я тогда печально проводила взглядом ключи, отлично понимая, что больше я их уже не увижу.

## Последнее японское предупреждение

Акела уже пытался лишить меня байка, но я всегда находила ключи и нарушала запрет, однако залезть в карман мужа не рискнула бы никогда.

Я проснулась с четким ощущением какой-то вселенской дряни, которая непременно случится сегодня. Так часто бывало — я открывала глаза и понимала, что день пойдет наперекосяк. Такие мысли я старалась гнать от себя, но сегодня это никак не удавалось. Еще и голова заболела, а у меня, как назло, был назначен семинар у второкурсников, отменить который я не могла, как и попросить замену — на кафедре случилась нехватка преподавателей, мы в этом году не получили ординаторов, и потому нагрузка распределилась между старыми сотрудниками.

Я по привычке похлопала рукой по правой половине кровати, хотя и знала, что муж уже встал — в это время он как раз отправлялся на пробежку. Дотянувшись до халата, я села и спустила ноги на пол, стараясь попасть в тапочки. Сейчас приму душ, потом заплету Соне косы — и можно готовить завтрак, хотя характерные звуки снизу подсказывали, что сегодня Галя меня опередила и уже возится у плиты. Ну, ничего...

По пути в ванную я задержалась у туалетного столика и вдруг остолбенела.

— Елки... — ахнула я, глядя в зеркало, — ты только посмотри...

— Что случилось? — Акела появился на пороге спальни, на ходу застегивая спортивную кофту — собирался на пробежку.

— Ты глянь... если меня на клубничных грядках выставить вместо пугала, птицы с перепугу вернут прошлогодний урожай...

Муж захохотал так оглушительно, что на звук его голоса из детской прибежала Соня, уже полностью одетая в школьную форму:

— Вы чего?

Акела подхватил ее на руки и, легко подкинув к потолку, сообщил:

— Твоя мама не в духе. Недовольна своим видом. Пугало, говорит, я страшное, на огороде мне самое место.

Соня вытаращила и без того огромные глазищи и возмущенно заявила:

— Мама, ты что?! Ты самая красивая мама в моем классе!

— Это потому что твоя, — буркнула я, разглядывая отражение в зеркале. Сегодня я на самом деле выглядела не очень — мешки под глазами, припухшие губы, да и вообще вид какой-то сонный. В дождливую погоду всегда напоминала о себе старая травма головы, полученная в перестрелке много лет назад. Я плохо спала, мучилась от головных болей, от надвигающихся кошмаров, и в такие моменты только муж был в состоянии помочь. Он возился со мной, как с ребенком, даже на руках носил иногда, расска-

## Последнее японское предупреждение

---

зывал длинные истории о самураях, читал стихи. Я чувствовала себя совсем маленькой девочкой, и это чувство почему-то давало покой и ощущение полной защищенности. Сашка всегда был надежным, спокойным и излучающим такую внутреннюю силу, которой с лихвой хватило бы на пятерых. В моем понимании он был настоящим мужчиной, мужем, отцом, защитником, и наиболее словосочетание «как за каменной стеной» обретало вполне реальные очертания.

Дочь меж тем, воспользовавшись моим молчанием, слезла с отцовских рук и уже крутилась около зеркала, очень похоже копируя мои гримасы.

— Неси расческу, — велела я со вздохом, — и вообще — ты чего так рано оделась? Папа еще не бегал.

— Ну и что, — беспечно отмахнулась Соня, — я все равно с Никитой поеду. Хочу в школу пораньше приехать, там сегодня Ирка какую-то игру принесет.

— Ничего не выйдет. Завтракать мы без папы не сядем, поэтому пораньше не получится, — напомнила я о заведенной в семье традиции — это мой отец так решил, это с его подачи мы вставали к столу утром, даже если никуда не собирались.

— Ты мне косу заплети, и я пойду деда Фиму проведать, — заявила дочь, поняв, что разговор окончен.

Папа жил во второй половине огромного дома, специально отремонтированного заново с таким расчетом, чтобы создать ощущение разделенного пространства. Папа не хотел мешать нам, но в то же время хотел, чтобы были рядом, и поэтому мы, продав свой коттедж по соседству, переселились сюда. Моя благодарность Акеле не имела пределов — он подчинился и принял отцовские условия, что ему, почти папиному ровеснику, было, наверное, довольно сложно сделать. И я знала, что и папа уважает решение зятя. Акела вообще был в семье непререкаемым авторитетом, и папа, становясь все старше, молчаливо признавал его правоту и прислушивался к мнению. И это мой папа — человек, привыкший все в жизни решать самостоятельно и без чужих советов... С тех пор как в город вернулся его старый друг Бесо (не без нашего с Акелой участия, надо признать), мой папенька снова почувствовал себя сильным — все-таки многолетнее братство нельзя разорвать в один миг, даже если в дело оказался замешан чей-то родственник. Нам стоило больших усилий убедить папу, что Бесо не имел никакого отношения к интригам, затеянным его внебрачным сыном Ревазом. Именно по его вине погибли мои братья, я сама оказалась на больничной койке с огнестрельным ранением в голову, а Акела сильно пострадал при взрыве собственного джипа.

Папа очень переживал разрыв с Бесо, и мы сделали все возможное, чтобы переубедить его. Теперь старый грузин часто, как и раньше, бывал в нашем доме, баловал Соню, привозил ей игрушки, в которые, к моему удивлению, они потом с увлечением играли втроем, привлекая и папу. Имя Реваза никогда не упоминалось в разговорах, как будто и не было его никогда.

Так часто, как позволяли дела, к этой парочке присоединялся второй папин друг дядя Моня, старый адвокат, занимавшийся всеми отцовскими делами. В определенных кругах эта троица носила малопочтительное прозвище «Три поросенка», но они не особенно реагировали и только отшучивались — мол, все бы ничего, и внешне подходят — невысокие, с явными брюшками, да вот беда — двое из них на дух не переносили свинину по причине своего еврейства. Надо признать, триумвират двух евреев и грузина вызывал у всех неподдельное удивление, однако папа, дядя Моня и Бесо столько прошли вместе и столько отсидели на троих, что уже по праву считали себя родственниками, а детей не делили на своих и чужих. И моя Соня, как самая младшая из третьего поколения, была всеобщей любимицей, что нас с Акелой иногда возмущало. Порой, набедокурив, Сонька признавалась в содеянном не мне или отцу, а деду или кому-то из его друзей, и потом нам стоило огромных трудов применить какие-то воспитательные меры. Признаться, в